

Иерей А. С. Хотеев

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ,
МИНСК, БЕЛОРУССИЯ

Роль императора Николая Павловича в воссоединении униатов в 1839 году

Аннотация. Статья посвящена выяснению роли императора Николая I в деле воссоединения белорусских униатов. Данная постановка проблемы является одной из сторон изучения государственного влияния в этом процессе. Акцентируется, что определение значения императорского фактора необходимо производить в связи с оценкой роли епископа Иосифа (Семашко), который был лидером в начатом деле. Производится анализ данных о церковности будущего императора, степени знакомства его со спецификой белорусско-литовских губерний. Поясняется, что вступивший на трон Николай Павлович был расположен следовать политике своего предшественника в отношении униатов, но при этом действовать более решительно, защищая последних от перевода в латинский обряд. Кроме того, новый царь не был расположен к полякам и их претензиям на особый государственный статус Польши в составе Российской империи. Начиная с докладной записки 1827 года от председателя униатского департамента римско-католической духовной коллегии Иосифа (Семашко) о мерах преобразования униатской церкви с целью возвращения её в Русскую

Православную Церковь, император Николай I проникся важностью начертанного в ней плана и одобрил его реализацию. Однако последняя производилась с колебаниями и задержками, обусловленными участием других лиц — государственных сановников и православного епископата. Не все они с пониманием и доверием относились к планам Семашко. По этой причине Преосвященному Иосифу приходилось не раз проявлять настойчивость и искать императорской поддержки. В итоге подготовки воссоединения было подготовлено прошение и Соборный акт на имя царя. Русский монарх принял и то, и другое, но передал их на рассмотрение Святейшего Синода, который имел все канонические полномочия принимать униатов в евхаристическое общение. Соответственно, император Николай Павлович выполнил функцию покровителя и посредника при решении униатского вопроса.

Ключевые слова: Полоцкий Собор 1839 года, император Николай I, митрополит Иосиф (Семашко), воссоединение униатов

Для цитирования: Хотеев А. С., иерей. Роль императора Николая Павловича в воссоединении униатов в 1839 году // Ортодоксия. — 2024. — № 4. — С. 52–71. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-4-52-71

Необходимость самой постановки вопроса о значении императора Николая I в деле воссоединения белорусских униатов не подлежит сомнению. На его роль неоднократно указывали сами униатские иерархи, на его имя подано прошение о признании униатов частью Русской Православной Церкви от лица духовенства Литовской и Белорусской епархий в 1839 году. Полоцкий Соборный акт тоже был обращён к императору, а не к Св. Синоду. Как научная проблема участие российского царя в упразднении унии является одним из аспектов исследования государственного влияния в этом деле.

Актуальность данного вопроса обусловлена распространённым убеждением об определяющей роли монарха, который только выбрал подходящих людей для реализации своего намерения в отношении униатов

Белоруссии и Литвы. Так, белорусская исследовательница С. В. Морозова причисляет министра внутренних дел Д. Н. Блудова, обер-прокурора Св. Синода Н. А. Протасова и Преосвященного Иосифа (Семашко) к орудиям «императорской воли» (Канфесііны 2015: 127). Безусловно, было бы странным ожидать обратное — чтобы государственные чиновники, назначаемые царём, действовали ему вопреки. Но Семашко оказался в униатском департаменте Римско-Католической коллегии в Петербурге по избранию от своего духовного начальника — еп. Луцкого Якова Мартусевича, известного своей ревностью к католицизму, и как представитель униатского духовенства действовал на пользу самой униатской церкви в соответствии со своими убеждениями. Это открывается, в частности, из обстоятельств пристрастного суда над еп. Полоцким Иоанном Красовским, в ходе которого прот. Иосиф (Семашко) отстаивал своё особое мнение против начальствующего униатского митр. Иосафата (Булгака) и предубеждённого против Красовского министра духовных дел и народного просвещения князя А. Н. Голицына (Иосиф (Семашко). Т. I. 1883: 27). Уже из одного этого примера видно, что Семашко изначально не выступал лишь исполнителем чужой воли. Вот его позднейшее признание по этому поводу: «Стойкость эта в собственном мнении и чувство справедливости, обнаруженные мною на двадцать пятом году, не оставляли меня во всех делах правительственных и судебных, в коллегии производившихся. Никакие побуждения, никакие виды не могли меня заставить отступить от мнения, которое я считал законным и справедливым» (Иосиф (Семашко). Т. I. 1883: 28). Поэтому, рассматривая судьбу унии в Белоруссии и Литве, следует определить позицию государственной власти в лице императора с учётом инициативы униатской духовно-иерархической власти, выразителем которой был Преосвященный Иосиф (Семашко).

В первую очередь необходимо изучить, как вообще происходило формирование взглядов царя Николая I на унию, приходило понимание существующей проблемы и пути её разрешения.

В своё время императрица Екатерина II, объявляя присоединение белорусских земель к Российской империи в 1772 году, обнадёживала новых подданных в «ничем не ограниченной свободе в публичном отправлении их веры» (Полное собрание 1. Т. 19: 555). Она разъясняла, «что в столь великом государстве [...] весьма бы вредный для спокойства и безопасности своих граждан был порок, запрещение или недозволение их различных вер», но исполнение этого принципа веротерпимости нужно было основывать на правиле «православия, политики и здравого рассудка» (Полное собрание

1. Т. 19: 508–509). В итоге после разделов Речи Посполитой Православная Церковь приобрела на присоединённых территориях статус господствующего вероисповедания, а католичество обоих обрядов — положение терпимого. Изменившиеся политические обстоятельства благоприятствовали возвращению униатов в православие в 1781–1784 годах и в 1794–1796 годах (преимущественно на украинских землях). Существенной переменой в их положении стало включение высшего униатского управления в структуру управления Римско-Католической Церкви в Российской империи: после нескольких реорганизаций католическая духовная коллегия была разделена на два департамента: римско-католический и греко-униатский. Униатская церковь также получила каноническое устройство из четырёх епархий во главе с митрополитом, что позволяло поддерживать её иерархический строй (на вакантную епископскую кафедру могли посвящать два или три других епископа). Были открыты епархиальная духовная семинария в Полоцке и главная семинария (богословский факультет) при Виленском университете. В 1800, 1803, 1804, 1806 и 1810 годах последовали императорские указы, запрещавшие переводить униатов в латинский обряд. Все эти факты убеждают в том, что самодержавие не стремилось к уничтожению унии, но к поддержанию её церковного статуса ради сохранения в западном крае конфессионального статус-кво.

Можно полагать, что данный правительственный курс изначально определял взгляды будущего царя Николая Павловича на судьбу унии в смысле её сохранения. К сожалению, в записях великого князя за 1822–1825 годы между краткими фразами типа «встал», «пил чай», «читал», «работал», «был у жены», «рисовал», «разделся», «лёг» и проч. не встречаются пояснения, что именно читал, над чем работал, о чём думал (Записные книжки). Поэтому трудно предметно говорить о его внимательности к церковным делам. Конечно, будущий император был религиозен в традиционном церковном понимании: посещал службы, молился дома, соблюдал посты и праздники. Став главой государства, Николай I в общем следовал уже утвердившемуся порядку. По свидетельству фрейлины М. П. Фредерикс, он всегда молился на коленях утром и вечером, в церковь ходил по воскресеньям, великим праздникам и царским дням (правда, вся церемония в таких случаях в дворцовой церкви должна была длиться не более часа, ибо царь не любил длинных служб), всегда просил прощения у приближенных перед Исповедью, сам определял, какие именно мелодии должны исполняться во время богослужения, потому что любил церковное пение и сам в молодости пел на клиросе (Николай I без ретуши 2013: 264–265).

Однако речь идёт не о внешне-формальной религиозности. Примером духовной решительности царя можно считать известный эпизод из истории волнений в Петербурге во время эпидемии холеры в 1831 году. Тогда он выехал навстречу бунтующей толпе простых горожан практически без охраны и громко воскликнул: «На колени!» — а затем, обратившись лицом к церкви Спаса, сказал: «Я пришёл просить милосердия Божия за ваши грехи; молитесь же Ему о прощении; вы Его жестоко оскорбили. Русские ли вы? Вы подражаете французам и полякам; вы забыли ваш долг покорности мне; я сумею привести вас к порядку и наказать виновных. За ваше поведение в ответе перед Богом — я. Отворить церковь: молитесь в ней за упокой душ невинно убитых вами». В ответ толпа опустилась на колени и стала истово креститься (Николай I. 2014: 351–352).

Известно также, что император Николай I не по формальным причинам уклонялся от участия в католических службах, не спешил короноваться в Польше и покорился необходимости принять эту церемонию в костёле в 1829 году, только уступая традиции (Шильдер 2013: 469–470). Хотя коронация не прошла гладко, монарх не выказывал никакого недоверия полякам, прогуливался по Варшаве вместе с императрицей без свиты и сопровождения.

О ситуации на белорусских землях будущий царь приобрёл впечатления в ходе своих неоднократных посещений строящейся бобруйской крепости (проезжая через Витебск, Смоленск или Минск). В этом отношении представляют интерес следующие его наблюдения из путевого журнала за 1816 год: «В Белоруссии дворянство, состоящее почти всё из весьма богатых поляков, отнюдь не показало преданности к России и кроме некоторых витебских и южных моголевских дворян все прочие присягнули Наполеону. [...] Крестьяне их почти все на тяжёлом оброке и весьма бедны, — при этом общая гибель крестьян сих провинций — жиды здесь совершенно вторые владельцы, они промыслами своими изнуряют до крайности несчастный народ. [...] Также не совсем бесполезно будет упомянуть, что здесь в губернии 37 католических монастырей, из коих половина почти иезуитских, воспитывающих юношество всех исповеданий; главнейшие в Орше и Могилёве. Всякий день обращают они в свою веру молодых людей, и как они совершенно отделены от гражданского ведомства, даже их имения, то ежедневно происходят беспорядки и замешательство» (Николай Первый и его время 2000: 239–240). В 1820 году последовал императорский указ о высылке иезуитов

из России, объясняющий эту меру их корыстолюбием и прозелитизмом (сворачивание в католичество православных и в латинство грекоуниатов).

С учётом этих данных можно говорить о преданности императора Николая I православию, о холодности к католичеству, о подозрительности к полякам, которые показали свою нелояльность самодержавию на белорусских землях во время войны с Наполеоном. Указы императора Александра I, направленные против перевода униатов в латинский обряд, и, в частности, изгнание из России иезуитов, а также впечатления от личных поездок в белорусские губернии сформировали у его преемника царя Николая Павловича убеждение в необходимости продолжать начатый правительством курс на ослабление католического влияния в провинциях «от Польши возвращённых».

В этом контексте следует рассматривать первые распоряжения императора Николая I, касающиеся униатов. Так, сенатский указ от 27 июля 1826 года имеет в виду запрещение распространять книги униатской печати за пределами униатских храмов и предписывает печатать на титульной странице указание на униатскую принадлежность изданий, чтобы православные не приобретали их по оплошности из-за церковнославянского языка. Поводом для этого узаконения стало сообщение митр. Киевского Евгения (Болховитинова) о продаже униатских молитвословов в Киеве, где никаких униатов уже не имелось (Полное собрание 2. Т. 1. 1830: 816–817). Затем 9 октября 1827 года последовал указ о недопущении в униатское монашество лиц латинского обряда, а также вообще мало сведущих в церковнославянском языке и богослужении, и чтобы поднять уровень знаний того и другого среди униатского юношества, предлагалось учредить соответствующие училища (Полное собрание 2. Т. 2. 1830: 877–878). Данные законы посвящены частным вопросам, и если первый клонится к защите интересов господствующего вероисповедания (православия), то второй — к пользе самих униатов, среди которых отмечается рознь между белым духовенством и монашеством по вопросу о духовном образовании.

Никакой программы действий для окончательного решения судьбы униатской церкви в первых узаконениях императора Николая I не просматривается, однако указ 1827 года обращает внимание на её внутреннее состояние и в этом отношении стимулирует процесс обновления, который был инициирован униатским митр. Ираклием (Лисовским) и представителями Брестского капитула. Имел он и ещё одно

последствие, напрямую касающееся судьбы самой унии. Речь идёт о записке прот. Иосифа (Семашко), написанной по поводу указа 1827 года после откровенной беседы с директором департамента духовных дел иностранных исповеданий Г. И. Карташевским (Иосиф (Семашко). Т. 1. 1883: 32–44, 387–398). В этом документе автор указывает на опасность поглощения унии латинством, аргументирует необходимость отделения церковного управления униатов от латинян через образование Греко-униатской духовной коллегии, реорганизацию епархиального деления, упразднение орденового самоуправления монахов-базилиан и создание отдельной от римско-католической системы духовного образования. Впоследствии данный текст был интерпретирован Семашко как «Записка о положении в России униатской церкви и средствах возвратить оную на лоно Церкви Православной», однако в ней нет прямого призыва к возвращению униатов в православие. Лишь осторожно говорится: «Стоит только их (униатов. — А. Х.) удалить несколько от римлян... стоит дать посредством воспитания надлежащее направление умам духовенства, 1500 униатских приходов занимающего... и народ легко пойдёт путём, пастырями своими указываемым» (Иосиф (Семашко). Т. 1. 1883: 394). Таким образом, молодой асессор униатского департамента решился подсказать, куда в конечном счёте можно направить внутренние преобразования униатской церкви, но сделал это намёком, не слишком доверяя бумаге.

В записке прот. Иосифа (Семашко) присутствовали слова, которые должны были найти живой отклик у императора Николая I: «Римский обряд в западных губерниях возник и распространился на развалинах греко-русского и униатского — да и откуда столько римских епархий в коренных русских областях? Это русская кровь течёт в сердцах, ныне России — матери своей — враждебных! [...] Изложив по возможности свои мысли, долгом поставлю просить извинения у благосклонного начальства [...] — Да простится сие тому усердию и ревности, с каковыми я желал бы видеть полтора миллиона русского народа, ежели не соединённым, то по крайней мере приближенным; ежели не совершенно дружным, то и не враждебным к старшим своим братьям; видеть сей народ усердным к вере своих предков, к пользам своего отечества, к службе общего отца-государя!» (Иосиф (Семашко) Т. 1. 1883: 393, 398). Здесь вопрос об унии открывается не с точки зрения отвлечённо-правовой (как в упомянутом выше наказе императрицы Екатерины II), а с позиции национально-государственного интереса: униаты — это часть русского народа,

напитанная враждой польского духа и католического духовенства, следовательно, совершенно присоединить их — значит вывести из церковного подчинения Риму и польского культурного влияния.

По этой причине понятно, почему царь написал следующую резолюцию на записке Семашко: «Я радуюсь, что случайно нашёл в униатской церкви человека, который может быть способен помочь нам в деле, которым непрестанно занимаюсь и с помощью Божией приведу в исполнение» (Романчук 2018: 111). Что подразумевается здесь под «делом» — воссоединение ли униатов или же уничтожение в унии полонизма и прекращение католического прозелитизма, — не вполне ясно. Во всяком случае, на униатов правительство стало обращать регулярное внимание. Уже 30 июля 1828 года царь утвердил мнение Государственного совета о переносе сбора десятины с униатов латинскому духовенству на священников униатских (Полное собрание 2. Т. 3. 1830: 717), которые по примеру православных освобождаются в западных губерниях от сборов на нужды латинских патеров (практика взимания десятины удерживалась до сих пор на белорусско-литовских землях уже двести лет при Речи Посполитой и пятьдесят лет при Российской империи!).

Сам Преосвящ. Иосиф впоследствии писал, что слова царской резолюции «нечаянно обратили меня к поприщу, столь соответствовавшему тогдашнему моему намерению и душевному расположению. Спустя два года после посвящения во епископа (1829 год. — А. Х.) удостоился я с митрополитом и епископом Мартусевичем представления в царском кабинете и был удивлён самым приятным образом, когда государь император, излагая нам положение униатской церкви и намерение своё улучшить оное, повторял, почти слово в слово, целые места из моей записки. Мои товарищи удивлялись также: откуда мог государь иметь все подобные сведения, им самим не вполне известные. Это одно обстоятельство указывает, насколько государь император принимал близко к сердцу униатское дело и оным занимался. Никто более меня не убеждён, что он был истинным виновником сего дела. Сколько ни случилось в течение одного помешательства и остановок, всегда они были отстраняемы твёрдой волей государя, и дело получало новое движение» (Иосиф (Семашко). Т. 1. 1883: 45). Отдавая должное скромности митр. Иосифа (Семашко), следует всё-таки признать, что именно он был человеком, подсказавшим царю Николаю I тот образ действий в отношении унии, который соответствовал мыслям самого императора об укреплении русской государственности в западных губерниях. Однако далеко не

сразу наилучший способ решения униатского вопроса в таком контексте приобрёл реальные очертания.

Польское восстание 1830–1831 годов стало дополнительным стимулом для правительства, чтобы ослабить в белорусско-литовских губерниях польско-католическое влияние. С этой целью был учреждён Комитет Западных губерний из опытных сановников, приближенных к монарху. Этот орган управления должен был согласовывать предложения о важнейших преобразованиях, планируемых в губерниях «от Польши возвращённых». Так, в Комитете рассматривались проекты гродненского губернатора М. Н. Муравьёва, где были пункты об изменениях конфессиональной ситуации, в частности касающиеся униатов. Свои предложения губернатор подавал царю в виде докладных записок, а последний поручил их изучить в Комитете и подать мнение об их целесообразности. Суждения М. Н. Муравьёва обсуждались в Комитете несколько раз в 1831–1832 годах. Так, он предлагал строже следить за запрещением перехода униатов в латинский обряд, воспретить служение униатских священников в латинских костёлах и наоборот, предписать униатским епископам следить за сохранением восточных обрядов, специально объезжать для этого епархии и ввести строгую ответственность для нарушителей, секуляризовать недвижимые монастырские владения, уравнивать наказание за переход из унии в латинство с совращением из православия (Муравьёв 1885: 163–168).

Примечательно, что губернатор был некоторым образом осведомлён о намерении окончательно решить судьбу унии. «Рано или поздно, — писал он императору, — при постоянных действиях правительства, униаты должны быть обращены в Православие [...] Впрочем, обращение униатов к Православию можно было бы привести в исполнение и ныне без большого затруднения, особенно в селениях; ибо белорусские крестьяне по большей части ещё столь невежественны, что мало постигают различие вер; но для сего необходимо постоянное действие и пребывание благонамеренного и деятельного униатского епископа и такового греческого с особенными нравственными качествами, способного к снисходительному убеждению заблуждающихся» (Муравьёв 1885: 167).

Однако, несмотря на всю актуальность поднятых вопросов, в Комитете Западных губерний к предложениям М. Н. Муравьёва отнеслись без сочувствия из рассуждения, что не следует обострять сложную ситуацию в только что усмирённом от мятежа крае. Например, секуляризация монастырских имений была решительно отвергнута: «Мера столь насильственная, могущая только возбудить ропот и нарекания

духовенства, без сего нам неприятного и в краю сем по влиянию своему столько сильного [...] была бы во всех отношениях более вредною, нежели полезною» (Журналы: 220). Мнение членов Комитета по этому вопросу было поддержано императором. Также были одобрены им умеренные предложения министра внутренних дел Д. Н. Блудова по другим пунктам программы М. Н. Муравьёва: о прекращении бродяжничества детей униатского духовенства, о смене якобы нелояльного правительству председателя Литовской духовной консистории прот. Антония Тупальского, о решительных мерах к восстановлению греческого вида униатских церквей и о запрещении делопроизводства на польском языке — во всех случаях министр предлагал избегать крутых действий, наблюдая за эффективностью уже изданных распоряжений (Журналы 2017: 289–294).

В целом можно сказать, что в первые годы после восстания план общего воссоединения униатов, предложенный Семашко, не то чтобы был совершенно оставлен императором Николаем I, но явно отодвинут в своём исполнении. Правительство опасалось произвести новое раздражение решительными мерами в конфессиональной сфере.

Эта медлительность понудила Преосвященного Иосифа 26 июля 1832 года обратиться к министру Д. Н. Блудову и через него к царю со специальным докладом, в котором давалась положительная оценка начатым изменениям по части образования униатского духовенства и ставилась на вид опасность случившейся остановки. В частности, автор указывал на то, что не были приняты меры к ослаблению базилианского ордена — его малолюдные монастыри с принадлежащими имениями оставались в преизбытке, составляя большую духовную и материальную силу против готовящегося воссоединения. Если продолжать начатые действия, придерживаясь задуманного плана, — писал Семашко, — «через десять лет полтора миллиона униатов вошли бы в состав Греко-Российской Церкви без всякого принуждения и даже затруднения» (Иосиф (Семашко) Т. 1. 1883: 598).

Но поскольку после восстания стали высказываться мысли об обращении униатов по образцу 1780-х и 1790-х годов (времен императрицы Екатерины II), то есть частными присоединениями отдельных приходов, еп. Иосиф предупреждает против этого: униаты Литовской и Белорусской епархий более предубеждены против православного духовенства, они имеют своими покровителями помещиков-католиков, которые готовы всячески противодействовать обращениям приходов в своих имениях

в православие. Поэтому Семашко предлагает другую меру — подчинить униатскую духовную коллегия напрямую Св. Синоду и ввести в него униатского митр. Иосифа (Булгака). Далее посредством предписаний духовным консисториям должны были следовать отмены поминания римского папы, употребления Филиокве, праздника в честь Иосафата Кунцевича и др. Постепенные меры привели бы к положительному результату уже через три-четыре года. В заключение автор просил не оставлять начатого дела воссоединения, так как «главное состоит в том, чтобы дать униатскому делу твёрдое и непоколебимое направление — иначе на всяком шагу последует сбивчивость, которая будет оное удалять от прямой цели, а не подвигать к оной» (Иосиф (Семашко) Т. 1. 1883: 606).

В таком же духе обращался Преосвященный Иосиф и в последующих докладных записках, что побудило императора задуматься о продолжении начатого: в словах Семашко заключалось искреннее беспокойство. «Это обвинительный акт против меня и тебя», — сказал царь Николай I министру Д. Н. Блудову (Иосиф (Семашко) Т. 1. 1883: 73–74).

Действительно, император колебался. Предложение еп. Иосифа (Семашко) подчинить униатскую церковь Св. Синоду означало прямое посягательство светской власти на власть духовную. Такое «иерархическое» разрешение униатской проблемы казалось слишком авторитарным. Тем более что со стороны самого Св. Синода исходило иное видение ситуации. В 1833 году была восстановлена древняя Полоцкая православная епархия и во главе её поставлен еп. Смарагд (Кржижановский). Он активно начал осуществлять миссию по обращению униатов в православие, используя не столько убеждение, сколько административный ресурс (губернских и уездных чиновников, местных православных помещиков) (Романчук 2018: 127). Такие меры имели весьма ограниченный успех, но ещё большее произвели озлобление среди униатского духовенства Белорусской епархии.

Царю приходилось делать выбор между «иерархическим» планом Семашко и «миссионерским» подходом Св. Синода. Естественным выходом из этой ситуации была попытка согласовать обе стратегии, учредив специальный Секретный комитет по униатским делам. Однако его состав оказался слишком широким для эффективной работы. Сюда вошли четыре православных иерарха, обер-прокурор Св. Синода С. Д. Нечаев, два униатских архиерея (митр. Иосафат (Булгак) и еп. Иосиф (Семашко)), а также четыре высоких чиновника (министр внутренних дел и др.). Комитет провёл всего три заседания в 1835–1836 годах и прекратил

свою фактическую деятельность. Вопросы, обсуждавшиеся на трёх его собраниях, не имели прямого отношения к делу воссоединения униатов, а касались частных мер по улучшению образования униатского духовенства. Попытка согласовать действия в более узком кругу членов Комитета также не привела к благоприятным результатам: слишком разные оказались позиции сторонника общего воссоединения (еп. Иосифа (Семашко) и сторонника миссионерских обращений (обер-прокурора С. Д. Нечаева) (Романчук 2018: 280). Впоследствии Преосвященный Иосиф утверждал, что его план перехода униатов через подчинение униатской духовной коллегии Св. Синоду первоначально получил одобрение императора, но при этом не исполнялся (Иосиф (Семашко) Т. 1. 1883: 83). Однако, если царь Николай I и высказывал на словах свою поддержку предложению Семашко, он явно не торопился с его реализацией, опасаясь поступать в приказном порядке. Препятствие встретилось и в высшем православном духовенстве, которое боялось произвести соблазн такой мерой, особенно среди старообрядцев (Иосиф (Семашко) Т. 1. 1883: 721).

Дело простаивало, и еп. Иосиф решился в 1836 году подать просьбу о своём личном присоединении к Православной Церкви, уже теряя всякую надежду на общее воссоединение униатов. Этот шаг вызвал следующие объяснения, и план Семашко снова получил поддержку императора: тогда же еп. Иосиф подготовил царский указ о переводе униатских дел в ведомство обер-прокурора Св. Синода. Соответствующее распоряжение (№ 9825) было подписано 1 января 1837 года (Полное собрание 2. Т. 12. 1838: 1). Постепенность осуществляемых мер по сближению унии с православием была принципом действия Преосвященного Иосифа (Семашко). Убеждая императора в благоприятном исходе своего плана, он проводил в жизнь предварительные шаги, демонстрирующие его уверенность в подготовленности нужной почвы. Так, в 1837 году с монаршего разрешения Семашко допустил служение православных священников в униатской церкви в Молодечно (Иосиф (Семашко) Т. 1. 1883: 111). Таким образом, приближение общего воссоединения совершалось не без колебаний со стороны правительства и православной иерархии. Император также, сочувствуя плану еп. Иосифа, действовал осторожно, не спеша с окончательным указом о подчинении униатского управления Св. Синоду.

Наконец в 1838 году сложились благоприятные условия для окончательного разрешения униатского вопроса: умерли митр. Иосафат (Булгак) и викарный еп. Иосафат (Жарский), которые были

сторонниками сохранения унии с Римом, положительно продвигалась литургическая реформа по восстановлению восточной обрядности в унии, значительная часть униатского духовенства дала письменное согласие на воссоединение с православием. Несмотря на скрытое и явное недовольство со стороны помещиков латинского обряда, нерешительность части униатских священников, еп. Иосиф (Семашко) настаивал в своей докладной записке от 1 декабря 1838 года на скорейшем воссоединении (Иосиф (Семашко). Т. 2. 1883: 78–83). Он не только подготовил проект прошения императору и текст Соборного акта, подписанные затем в Полоцке 12 февраля 1839 года, но и предложил свой проект ответного императорского указа о присоединении греко-униатской церкви к Церкви Греко-Российской посредством подчинения униатской духовной коллегии Св. Синоду (Иосиф (Семашко). Т. 2. 1883: 84–85). В этом отношении Преосвященный Иосиф выдержал свою линию до конца.

Однако царём Николаем I была учтена позиция и православной иерархии, которая ожидала от униатов надлежащего соборного обращения. Император, получив Полоцкий Соборный акт и прошение на своё имя, адресовал их Св. Синоду для издания соответствующего постановления и синодальной грамоты (Иосиф (Семашко). Т. 2. 1883: 89–92). Таким образом, русский монарх предстал в роли посредника, а не совершителя воссоединения, что, конечно, более соответствовало его статусу при решении канонических вопросов. Обращение к императору, содержащееся в Полоцком акте, было направлено в русло церковных правил, ибо не царю принадлежит решение о принятии в евхаристическое общение тех или иных сообществ.

Хотелось бы также обратиться к оценкам роли царя Николая I в деле воссоединения со стороны самих униатских архиереев. Точка зрения Преосвященного Иосифа (Семашко) уже приводилась выше. Еп. Полоцкий Василий (Лужинский) высоко ценит волю императора, который пожелал, чтобы воссоединение совершилось без насилия, только силой убеждения: «Эта державная воля следила за всеми моими действиями через посредство моих руководителей, которыми были — сначала митрополит всех греко-униатских церквей в России Иосафат Булгак [...], а потом граф Протасов, обер-прокурор Святейшего Синода» (Лужинский 2019: 22). Еп. Антоний (Зубко) в своих воспоминаниях не подчёркивает особых заслуг монарха, говоря в общем: «Император Николай I тотчас по восшествии на престол обнаружил энергическое желание действовать в духе русском, и мы ободрились» (Зубко 2019: 44). Поскольку Преосвященный Иосиф (Семашко)

более других своих сотрудников имел возможность передавать царю свои докладные записки и получать монаршие резолюции, его мнение и оценка представляются наиболее адекватными: без поддержки императора дело воссоединения не завершилось бы благополучно. Однако по части инициативы, проработки всех этапов и деталей этого процесса, безусловно, на первом месте должна быть поставлена заслуга самого Семашко. В связи с этим можно согласиться с выводом современного исследователя прот. Александра Романчука: «Воссоединение униатов было инициировано, подготовлено и совершено исключительно благодаря митрополиту Иосифу. Несомненно, без заинтересованности Николая I оно не могло бы ни начаться, ни достичь цели [...] император только проявил намерение реформировать униатскую церковь, одобрил концепцию воссоединения» (Романчук 2018: 309). И, конечно, не император предложил конкретный план упразднения самой унии.

Подводя итог настоящему рассмотрению, необходимо заметить, что царь Николай I не имел заранее мысли об уничтожении унии, однако он ещё до восшествия на престол убедился в пагубности католического влияния в белорусско-литовских губерниях. Поначалу он продолжал курс своего предшественника, гарантировавший униатам защиту и покровительство законов. Однако намёк Преосвященного Иосифа (Семашко) в записке 1827 года о необходимости защитить униатов от латинства с целью их возможного возвращения в православие был тотчас же усвоен императором как собственная мысль. В дальнейшем русский монарх действовал осторожно, не вполне разделяя план Семашко после реформирования унии передать управление униатской церковью в ведение Св. Синода простым императорским указом. Царь Николай I понимал, что у него нет таких полномочий, и, кроме того, видел неготовность к такому решению со стороны православной иерархии. Преосвященный Иосиф (Семашко) сумел осуществить задуманный план, когда ведомое им униатское духовенство обратилось с прошением о воссоединении к императору. И последний сумел переадресовать Полоцкий Соборный акт Св. Синоду, который единственный мог принять каноническое решение о включении двух униатских епархий в свою юрисдикцию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Антоний (Зубко), архиеп. О Греко-Униатской Церкви в Западном крае России. — Минск : МедиаЛ, 2019. — 240 с.

Василий (Лужинский), архиеп. Записки. — Минск : МедиаЛ, 2019. — 240 с.

Журналы Комитета западных губерний / изд. подгот. Т. В. Андреева, И. Н. Вибе, Б. П. Миловидов, Д. Н. Шилов. — Т. 1: 1831–1835 гг. — СПб., 2017. — 848 с.

Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825 / под ред. М. В. Сидоровой, М. Н. Силаевой. — М. : Политическая энциклопедия, 2013. — 904 с.

Иосиф (Семашко), митр. Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорскою Академией наук по завещанию автора : в 3 т. — СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1883. — Т. 1. — 745 с.

Иосиф (Семашко), митр. Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорскою Академией наук по завещанию автора : в 3 т. — СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1883. — Т. 2. — 786 с.

Муравьев М. Н. Четыре политические записки // Русский архив. — 1885. — Кн. 2. — № 6. — С. 161–199.

Николай I без ретуши / авт.-сост. Я. Гордин. — СПб. : Амфора, 2013. — 543 с.

Николай Первый и его время : документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков / сост., вступ. ст. и коммент. Б. Тарасова. — М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2000. — Т. 1. — 448 с.

Николай I. Моё самодержавное служение. — М. : Эксмо, 2014. — 528 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. — СПб., 1830. — Т. 1. — 1379 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. — СПб., 1830. — Т. 2. — 1561 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. — СПб., 1830. — Т. 3. — 1642 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. — СПб., 1838. — Т. 12. — Ч. 1. — 822 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. — СПб., 1830. — Т. 19. — 1081 с.

Романчук А., прот. Высокопреосвященный Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский : очерк жизни и церковно-общественной деятельности / протоиерей Александр Романчук. — М. ; Минск : Издание общества любителей церковной истории, 2018. — 443 с.

Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. — М. : Слово, 2013. — 712 с.

Канфесійны фактар у сацыяльным развіцці Беларусі (канец XVIII — пачатак XX ст.) / В. В. Яноўская [і тнш.]; навук. рэд. В. В. Яноўская; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. — Мінск : Беларуская навука, 2015. — 496 с.

Сведения об авторе:

Иерей Алексей Сергеевич Хотеев — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси, 220072, Белоруссия, Минск, ул. Академическая, 1, e-mail: hoteev@tut.by

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 25.02.2024; одобрена после рецензирования 27.02.2024; принята к публикации 29.02.2024.

Priest A. S. Khoteev

INSTITUTE OF HISTORY OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS,
MINSK, BYELORUSSIA

The Role of Emperor Nicholas I in the Reunification of the Uniates in 1839

Abstract. The article focuses on clarifying the role of Emperor Nicholas I in the reunification of the Belarusian Uniates. This framing of the issue represents one aspect of examining the influence of the state in this process. It is emphasized that evaluating the significance of the imperial factor must be done in conjunction with assessing the role of Bishop Joseph (Semashko), who was the leader in the initiated case. The article analyses data concerning the religious attitudes of the future emperor and the extent of his familiarity with the particulars of the Belarusian-Lithuanian provinces. It is elucidated that upon ascending the throne, Nicholas I was inclined to continue the policies of his predecessor regarding the Uniates. However, he also demonstrated a tendency to act more decisively, safeguarding them from being transferred to the Latin rite. Additionally, the new Tsar was distrustful of the Poles and their aspirations for a special state status of Poland within the Russian Empire. Beginning with the memorandum of 1827 received from Joseph Semashko, the representative of the Uniate department of the Roman Catholic Ecclesiastical Collegium, outlining measures to transform the Uniate church for its return to the Russian Orthodox Church, Emperor Nicholas I recognized the significance of the plan and approved its implementation. However,

the latter was executed with hesitations and delays, partly due to the involvement of other individuals such as state dignitaries and the Orthodox episcopate. Not all of them comprehended and placed trust in Semashko's plans. For this reason, the Right Reverend Joseph had to persevere on multiple occasions and seek the support of the Emperor. As a result of the preparation for reunification, a request and a conciliar petition addressed to the Tsar were prepared. The Russian monarch accepted both proposals but deferred them to the Holy Synod, which held all the canonical powers necessary to admit Uniates into Eucharistic communion. Accordingly, Emperor Nicholas I fulfilled the role of patron and mediator in resolving the Uniate issue.

Keywords: the Church Council of Polotsk in 1839, Emperor Nicholas I, Metropolitan Joseph (Semashko), reunification of the Uniates

For citation: Khoteev, A. S., Priest. (2024). The Role of Emperor Nicholas I in the Reunification of the Uniates in 1839. *Orthodoxia*, (4), 52–71. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-4-52-71

REFERENCES:

Antony (Zubko), Archbishop. (2019). *O Greko-Uniatskoi Tserkvi v Zapadnom krae Rossii* [About the Greek Uniate Church in the Western Region of Russia]. Minsk : Medial. [In Russian].

Vasily (Luzhinsky), Archbishop. (2019). *Zapiski* [The Notes]. Minsk : Medial. [In Russian].

Zhurnaly Komiteta zapadnykh gubernii [Journals of the Committee of Western Provinces] (Vol. 1: 1831–1835). (2017). Saint Petersburg. [In Russian].

Zapisnye knizhki velikogo kniazia Nikolaia Pavlovicha. 1822–1825 [Notebooks of Grand Duke Nikolai Pavlovich. 1822–1825]. (2013). Moscow : Politicheskaya entsiklopediya. [In Russian].

Iosif (Semashko), Metropolitan. (1883). *Zapiski Iosifa mitropolita Litovskogo, izdannye Imperatorskoiu Akademiei nauk po zaveshchaniyu avtora : v 3 t.* [The Notes of Joseph Metropolitan of Lithuania, Published

by the Imperial Academy of Sciences According to the Will of the Author. In 3 Volumes] (Vol. 1). Saint Petersburg : Tip. Imperatorskoi Akademii nauk. [In Russian].

Iosif (Semashko), Metropolitan. (1883). *Zapiski Iosifa mitropolita Litovskogo, izdannye Imperatorskoiu Akademiei nauk po zaveshchaniuu avtora* : v 3 t. [The Notes of Joseph Metropolitan of Lithuania, Published by the Imperial Academy of Sciences According to the Will of the Author. In 3 Volumes] (Vol. 2). Saint Petersburg : Tip. Imperatorskoi Akademii nauk. [In Russian].

Muravev, M. N. (1885). Chetyre politicheskie zapiski [Four Political Notes]. *Russkii arkhiv*, book 2, (6), 161–199. [In Russian].

Nikolai I bez retushi [Nicholas I without retouching]. (2013). Saint Petersburg : Amfora. [In Russian].

Nikolai Pervyi i ego vremia: dokumenty, pis'ma, dnevniki, memuary, svidetel'stva sovremennikov i trudy istorikov [Nicholas the First and His Time: Documents, Letters, Diaries, Memoirs, Testimonies of Contemporaries and Works of Historians] (Vol. 1). (2000). Moscow : OLMA-PRESS. [In Russian].

Nikolai I. (2014). *Moe samoderzhavnoe sluzhenie* [My Autocratic Ministry]. Moscow : Eksmo. [In Russian].

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The Second Collection] (Vol. 1). (1830). Saint Petersburg. [In Russian].

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The Second Collection] (Vol. 2). (1830). Saint Petersburg. [In Russian].

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The Second Collection] (Vol. 3). (1830). Saint Petersburg. [In Russian].

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The Second Collection] (Vol. 12, Part 1). (1838). Saint Petersburg. [In Russian].

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The Second Collection] (Vol. 19). (1830). Saint Petersburg. [In Russian].

Romanchuk, A., Archpriest. (2018). *Vysokopreosviashchennyi Iosif (Semashko), mitropolit Litovskiy i Vilenskiy: ocherk zhizni i tserkovno-obshchestvennoi deiatel'nosti* [His Eminence Joseph (Semashko), Metropolitan of Lithuania and Vilna: an Essay on Life and Church and Social Activities]. Moscow, Minsk : Izdanie obshchestva liubitelei tserkovnoi istorii. [In Russian].

Shilder, N. K. (2013). *Imperator Nikolai Pervyi. Ego zhizn' i tsarstvovanie* [Emperor Nicholas the First. His Life and Reign]. Moscow : Slovo. [In Russian].

Kanfesiiny faktor u satsyial'nym razvitstsi Belarusi (kanets XVIII — pachatak XX st.) [Confessional Factor in the Social Development of Belarus (Late XVIII — Early XX Centuries)]. (2015). Minsk : Belarускаia navuka. [In Belarusian].

About the Author:

Priest Alexei Sergeevich Khoteev — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher at the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, 1, Akademicheskaya str., Minsk, Belarus, 220072, e-mail: hoteev@tut.by

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 25.02.2024; approved after reviewing 27.02.2024; accepted for publication 29.02.2024.